

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

Ч. 2.

ИВАНЪ МУРАНИЙ

ОПОВЪДАНИЯ И БАЙКИ

УНГВАРЪ 1941.

ВЫДАНИЯ ПОДКАРПАТСКОГО ОБЩЕСТВА НАУКЪ.

Редагує и за редакцію отповѣдає:
Дрѣ Иванъ Гарайда.

Сивуля.

Звѣдаете, ци Иванъ Дѣдикъ газда? Газда... газда... але лишъ такъ зъ краю. Мае чтось землицѣ, и худобы е, але мае на то и роту дѣтей. А всѣ дѣвки. Коли на великѣ праздники выроться изъ двора на улицу въ червеныхъ ширинкахъ и зеленыхъ фартукахъ, здаеся, якбы макова нива пустилася въ походъ. Е ихъ девять — Богу дяковати — найстарша двадцятьлѣтна, наймолодша недавно почала бѣгати. Девять здоровыхъ жолудковъ треба чимсь наповнити, девять непосѣдныхъ тѣлъ треба чимсь прикрыти! Зато Иванъ, хоть якъ стараеся, хоть якъ напружаеся, розгаздоватися не може. Честный, благий, тверезый чоловѣкъ Иванъ; честна, блага, роботлива и его жона Настя. Честнѣ, благѣ и ихъ дѣти, одна радость на нихъ подивитися. Лишь тогды зажуриться Иванъ, коли подумае, что треба буде ихъ колись отдавати и дати каждой изъ нихъ хоть яку — таку частку. Господи милостивый, межи девятьма дѣтьми что достанеся одной изъ газдовства его?!

И теперь, правѣ передъ Великоднемъ, зажурено мотаеся Иванъ. Найстарша донька заручилася, свадьба мае быти по Великодни. Слава Богу — женихъ благий и скромный чоловѣкъ. Не богачъ, але чтось мае и великой частки не требуе. Всежъ не може Иванъ, ги якийсь казавъ — газда — пустити свою доньку изъ хижѣ на смѣхъ.

Треба грошей на вѣно, на свадьбу. А откуда ихъ взяти? И донька, и мати напоминають его — треба бы и се, и то, и оно. Дарьмо — треба грошей.

Послѣзавтра торгъ въ Хустѣ. Вечеромъ въ присутности цилой фамилиѣ разъ лишъ Иванъ загакуючмсь заявляе: „Въ четвергъ пожену на торгъ Сивулю!“ Всѣ закаменѣли. Настала тишина, лишъ очи говорили. Жона Ивана якось нетерпеливо, напужено верзла собою. У Параски, девятьлѣтной красной дѣвчины, ротъ помало начавъ кривитися, очи наповнились слезами и наконецъ зъ плачомъ гойкнула: „Я не хочу!“ Наставъ въ хатѣ общий ревъ. Сивулю, дорогу, стареньку, милу Сивульку хоче няньо продати якимсь немилосерднымъ жидамъ, котрѣ будутъ еѣ мучити, бити, а наконецъ великимъ ножомъ зарѣжутъ еѣ. Всѣ на Сивулиномъ молоцѣ выросли, всѣ тулялися до еѣ теплого тѣла, всѣхъ огрѣвала своимъ теплымъ дыханьемъ, и цѣлое газдовство Ивана бере свой початокъ изъ Сивулѣ: А теперь хоче еѣ продати.

Иванъ гнѣвно кричить: „Тихо! Анця отдаеся,

треба грошей, что ми робити? Сивуля стара, на вѣки не буде жити. Який хосенъ изъ того, если здохне въ хлѣвѣ?“ Ревъ стихае, дѣти тихо плачуть и смутно сѣдають къ столу. Разъ мала Параска щезае изъ хаты а зъ нею кусокъ хлѣба. За нею пропадають и другѣ, лишъ отданиця остаеся въ хатѣ. Иванъ иде подивитися, куды дѣлися дѣти. Въ хлѣвѣ суть, кормлять Сивулю хлѣбомъ, зеленою травою, гладяты, цѣлюють, еѣ и горько плачуть.

Другий день вечеромъ Иванъ выправляеся зъ Сивулею въ дорогу до Хуста. Хустъ далеко, въ холодѣ дойде до третёго села, у знакомого переночуе и рано завгодѣ буде на торзѣ. Выпроважуе его цѣла фамилія зъ слезами въ очахъ. Дѣти не хотять вернутися дому, йшли бы зъ нимъ ажъ до Хуста. Иванъ лишъ грозьбами може ихъ загнати дому. Дѣти на дорозѣ до дому смутно радятыся и оживають новыми надѣями, коли дванадцятьлѣтна Гафія замѣтитъ: „А може никто не купить нашой Сивулѣ!“ Всѣ одноголосно заявляють что Сивулѣ никому не треба буде и нозыми надѣями укрѣплено вертаються дому.

Минае день торгу. Наближаеся вечеръ, няньо уже скоро прийде дому. Цѣла юрба выправляеся на конець села, чтобы чимъ скорше дознатися, ци Сивуля продана, ци нѣтъ. Сивулю няньо не продавъ. Няньо розмерзенный и мовчить. Дѣти отъ радости безъ себе — гладяты, цѣлюють Сивулю и триумфальнымъ ходомъ

ведуть её до хлѣва на старое мѣсто. Жона наконецъ несмѣло позвѣдаеся Ивана, якъ было на торзѣ. „Ехъ“ — каже Иванъ — „поганць! Ожъ, каже, Сивуля здохлина! Здохлина ти твоя паршива мати!“ Помало выясняеся, что Сивулю жидня на торгѣ дуже нечемно покритизовала и насмѣхалася надъ нею. „Здохлина, гыба, мерша“ — сякими титулами чествовали бѣдну Сивулю. На се Иванъ погнѣвався и заразь лишивъ торгъ и Хустъ — тай вернувся дому.

Лишь Анця вздохла. „Такъ буду отдаватися, ги якась покритка.“

Иванъ розсердився. „Кто покритка, тота покриткою и отдасться.“

Навернувся и женихъ. Якъ учувъ Сивулину исторію; погладивъ и онъ Сивулю тай сказавъ: „Не бѣда! Якось буде.“

Видно — добрый чоловѣкъ.

Ехъ — Сивулько божа — суть еше добрѣ люде подъ тыми низькими соломяными стрѣхами.

Янко.

Одинъ Богъ милостивый знае, откуда поповъ Янко до города.

„Откуда вы, Янку, походите?“

Янко корчиться, очи его неприятно блудятъ зъ одного предмета на другий, ротъ кривиться, якбы 'му зубы заболѣли, а потомъ послѣ довгого роздумованя каже: „Е... е... е ... тамъ, изза хребта ... того ... п-р-р-р-опавъ бы...“

„А де то властиво е?“

Янко только головою кине въ напрямъ высокихъ горъ, мовчить и спѣшно отдаляеся.

Точно такъ кинувъ Янко головою на подобный вопросъ пана, коли сорокъ и больше лѣтъ тому назадъ цуравый, голодный, иззяблый, въ поздней осени безрадно переступовавъ зъ одной ноги на другу середь пяцу города.

„Ци розумѣнся до худобы?“

У Янка заблисли очи и радостно казавъ: „Ойой...!“

„Такъ подь до мене“ — казавъ панъ. „Е у мене

якась худоба, мой старый слуга недавно умеръ, никому ихъ дозирати, та хоть до весны перебудешъ у мене. А потому увидиме“. Такъ попавъ Янко до пана. У пана были звычайно двѣ-три добрѣ коровы, якѣсь телята, великий садъ за домомъ тай винниця. Панъ бывъ урядникомъ, але попри урядованю и газдовавъ давнымъ панскимъ способомъ, то е: якъ Богъ дастъ. Скоро указалось, что Янко безмѣрно любить худобу. Ничъ на свѣтѣ не интересовало его окремъ худобы. Постоянно при худобѣ сидѣвъ, гладивъ, обнимавъ, выбиравъ для неѣ найлѣпшое сѣно, даже и изъ того, что самъ достававъ ѣсти, откладовавъ и носивъ своимъ коровамъ и телятамъ. Иначѣ бывъ Янко тихий чоловѣкъ, спокойный, женщинами не творився и коли туй-тамъ служницѣ зачали зъ нимъ фигльовати, безъ слова и презрительно отвертався отъ нихъ. Особенно тѣшили его весна и лѣто, коли зъ коровами каждого дня выходивъ на пасовиско а потомъ гордо вертався зъ ними до города. Тай было чимъ гордиться! Такихъ коровъ и телятъ далеко-широко не было.

Изва любви Янка до худобы повставали и розницѣ, свады и другѣ непорозумѣня межи Янком и межи панами, особенно, коли не было властного сѣна доста и треба было за дорогѣ грошѣ куповати. Паны требовали, чтобы Янко шпоровавъ сѣномъ, чого Янко порозумѣти не хотѣвъ. Коли потомъ паны сѣнникъ

замыкали на колодку, Янко въ ночи розбивавъ сѣнникъ и кравъ сѣно своимъ коровамъ и телятамъ.

„Молока бы вамъ треба? А худобѣ не хотите давати ѣсти? Чек-к-кай мало!“ — гойкавъ зъ досадою Янко,

„Паны — а худобу бы голодомъ морили. Не ѣшьте вы, доста великѣ черева у васъ!“

Найбольша комедія тогда наставала, коли паны рѣшили котрусь корову изза старости або другой причины продати. Янко войовавъ за корову всѣми возможными способами. Лаявъ, проклинавъ, грозивъ, выганявъ купцевъ изъ двора, просивъ, аргументовавъ. Коли пакъ все се не помагало, Янко тыжднями ходивъ якъ не свой, не ѣвъ, не говоривъ ни зъ кимъ лишь подъ носомъ бормотавъ проклинаня и трясъ пястукомъ въ напрямъ панского дома.

Отношеня Янка до панской фамилиѣ было доста неопредѣленное. Не то слуга, не то прислужникъ, не то причепа бывъ Янко. Окремъ дозираня худобы ледва колись робивъ якусь другу роботу.

„Худобу треба доzirати... николи“ — отгрѣбався, коли розказовали або просили, чтобы помагавъ въ садѣ ци винници. Достававъ отъ пановъ добру и богату страву, каждый день стаканъ вина, одежу, а еще туй-тамъ по корунѣ, чтобы въ недѣлю и свято въ корчмѣ мало завгурився.

Умеръ старый панъ. Умерла и стара панья. Сынъ

ихъ уженився, постарѣвъ, мавъ двѣ доньки, и тымъ уже давно прийшовъ часть отдаватися. Янко обходивъ коровы и живъ щастливо зъ ними и цѣломъ зросся зъ фамилією черезъ коровы, хотя въ дѣйности панска фамилія интересовала его только позадь коровъ. Воякомъ не бывъ, бо мавъ якусь хибу въ одной нозѣ, на котру мало налѣгавъ. Минали роки, свѣтъ перемѣнився, але Янко тымъ не творился, живъ собѣ спокойно и безжурно, доки коровамъ его добре, было або не мусѣвъ розстатися зъ дакотрою изъ нихъ.

— Одной недѣлѣ Янко, вертаючись изъ корчмы, увѣреннымъ крокомъ, гордо и презрительно усмѣхаючись приближався до панского дому. Ставъ передъ домомъ и внимательно подивився на него отъ верху аж до землѣ, почислив окна, поковтавъ перстомъ стѣны, зайшовъ на дворъ, подивися около себе, потому обыйшовъ садъ и голосно сказавъ:

„Такъ сесе все мое! Сорокъ другий рокъ служу имъ; а они менѣ ничего не платили. Обокрали мене бѣдного про... по... пре... летара. Але я вамъ того не лишу. Нѣ! Слава Богу — добрѣ люде дали розуму. Зяправочу васъ, мой буде домъ тай садъ тай цѣлое ваше панство“.

Потомъ зайшовъ до пановъ и блискаючи очима, заявивъ:

„Сорокъ два роки служу вамъ а платнѣ ниякой! Якъ ото? Думаєте, что я дурень? Обкрадовати бѣдного по... пе... про... пре... летара? Домъ мой, садъ мой, винница моя!“

Паны мало что не зомлѣли. Справдѣ... Служить у нихъ Янко Богъ знез отколи, перебрали его отъ старого пана, постарѣвъ Янко, постарѣли и они, уставленной платнѣ Янко не мавъ, давали, ци не давали ему чогось — кто того нынѣ тямить. Если Янко заправотить ихъ, пойде на то цѣлое газдовство, вѣно дѣвокъ, коровы м все.

Янко, видячи якое впечатлѣня выкликавъ у пановъ своимъ неожиданнымъ заявленьемъ, еще поковтавъ перстомъ стѣну и одвѣрокъ тай презрительно кинувши окомъ на задеревѣвшихъ пановъ, отдалився.

Другой день приходитъ якийсь жидчухъ и глядае Янка. Подае руку.

„Я“ — каже — „отъ коммунистичной партіѣ. Прийшовъ для того, чтобы ваше дѣло зъ панами полагодити. Мы вмъ все обстараеме, заправотиме вашого пана и выможеме на немъ, что вамъ приходится. Розумѣся — маете вступити до нашей партіѣ, до партіѣ бѣдныхъ и всѣхъ пролетаровъ“.

Слухае се Янко и починае червонѣти. Разъ лишь зареве:

„А кто тебе сюда кликавъ? А? Звѣдаю, кто тебе сюда кликавъ?“

Жидчухъ отскочивъ отъ Янка и забормотавъ:

„Что? Что? Я отъ коминистичной партіѣ...“

„Иди собѣ“ — реве Янко — „до ..... иди собѣ до сто чортовъ, бо, якъ возьму вилы въ руки, лишь шкипѣтя изъ тебе останеся. Маршъ! вонъ отсюда!“

Якъ Янко мало успокоився, зайшовъ въ хлѣвъ, погладивъ коровы, потомъ, обнявши имъ шиѣ, забормотавъ:

„Лишь най попробують не давати вамъ ѣсти! Лишь най попробують васъ продавати! Я имъ покажу!“

Удодъ.

(Байка.)

Дроздики уже выросли и почали розглядатися по свѣту. Отъ рана до вечера рыскали по гаямъ, въ гущавинѣ, подъ корчами и училися уму — розуму. Але вечеромъ все вернулись въ семейное гнѣздо чтобы погрѣтися подъ сердцемъ мамы и розказати, что они видѣли и чому научилися.

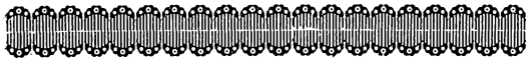
Одного вечера прилетѣвъ дроздикъ до дому задыхуючися и зъ блистячими очима.

— Мамко, мамко — сказавъ дроздикъ — что я видѣвъ! Заблудивъ я ажъ на край нашего гая, а тамъ такое поле. А по тому полю прохожуеся пре-красна птица. Гордо ступае, носъ держить высоко, туй тамъ подскочить и зновъ сяде на землю тай чтось тамъ выробляе. Правда — голось у неѣ не зовсѣмъ приемный, але якъ одѣтый! Выштафированный по найновѣйшой модѣ, прическа чудесна, вы-сока, стырчить до неба. А якъ фарбы на одежи — ума помраченя. Кий бѣсъ — говорить дальше дроз-

дикъ — что мы такъ просто одѣтъ, зовѣмъ не по модѣ, суваемся по гуцавѣ, подѣ корчами, всего боимся, хоба что голось у насъ красный. Але всежъ зъ нами дѣся велика несправедливость.

— Ага — каже мама — то навѣрно бивъ удодѣ. Безъ сумнѣву — красна птиця, але не нашей породы. Ци знаешь ты, дровдику мой, якъ онъ смердитъ? Тажъ онъ изъ того живе, что балеги розгрѣбае!

Выбабравъ...

На восточномъ небѣ едва замѣтна струя свѣтла вѣстила приходъ дня, але кучѣ цыганской четверти города все еще были загорнутѣ ночьюю темнотою. Въ тепломъ весенномъ воздухѣ сотероакѣ запахи людской мизеріѣ и пороковъ безъ перепоны выповняли каждый куть ажъ далеко за городомъ.

На одной изъ людскихъ гаврѣ заскрипѣли двери. Ктось осторожно отворивъ ихъ и помаленько, крадучись дойшовъ до середины кривулистой улочки. Хвилику прислуховався, потому довгими, осторожными кроками пустився вонъ изъ города, въ напрямѣ чиненника, котрый дасъ 300 кроковъ дальше бѣлѣвъ. Якъ выйшовъ на головну дорогу, остановивси и обернувся лицомъ до города. Знявъ изъ големы крысаню, три-чотыри разъ поклонився и блаженно загиликавъ: Ги—ги—ги. Потомъ сразу обернувся, нагнувся, якъ то сѣльскѣ бабы звыкли робити для выражения презрѣня, зновъ загиликавъ, выпростився, плюнувъ и певными кроками почавъ высту-

пати. Уже зоряло и можъ было упознати предметы. Постать спѣшно отдаляючогося отъ города мужнины была висока, згорблена, худа. Бывъ одѣтый въ обношенное, „правдивыми панами“ отложенное шатъя, нову бѣлу сорочку, на головѣ широка, чорна крысая, на ногахъ обношенѣ жовтѣ топанки. Видно было издалеку, что окремъ сорочки все прочее на немъ было куплено въ магазинѣ отложеныхъ панами одеждѣ.

На плечахъ носивъ об'ѣмисту торбу зъ широкими ремѣнями и при устю еѣ сильно обвязану шнурями. Въ рукахъ мавъ красну, товсту кривачку. Скуластое лице чоловѣка зъ широкимъ, тупымъ носомъ и малыми, песего выраженя очима недавно мало быти оббрытвлено, свѣтлѣйша кожа на бокахъ и на вилици свѣдчила о томъ, что переже носивъ бороду. На видѣ мавъ дась 50—55 лѣтъ, бо вылинялое волосье его лишь туй-тамъ было сѣдое.

Чоловѣкъ пильно ступавъ впередѣ, ледва звертаючи уваги на околицю. Дорога была пуста, ишовѣ уже добрѣ двѣ години, а еще ни зъ кимъ не встрѣтився. Была именно велика суббота, празникъ для жидовъ и день приготоуленя до свѣтлого Воскресеня у християнѣ. Черезъ якийсь часъ осторожно выбравъ собѣ недалеко дороги отповѣдное мѣсто межи корчами, сѣвъ и внимательно подивився въ напрямъ города. Зновъ заигикавъ зъ великимъ задоволеньемъ.

— Зъ тыми я выбабравъ — сказавъ на пов-голосъ. Паскудно залаявъ и плюнувъ въ напрямъ города.

Задумався и лице его приняло лукавое выраже-ня. И видитъ себе якъ дѣтину. Все ряндавый, все голодный. Отець бывший панъ, за пянство и роз-трату пропущеный изъ якогось незначного уряду, ма-ти легкомысленна, непорядна, сварлива женщина. Упадаютъ все ниже въ пянство и розвратъ и жеб-раня. Ледва откончивъ народну школу, уже посы-лають его на жебры въ городъ. Спочатку ишло жеб-раня тяжко. Дѣтина стыдалася и не знала якъ вы-манити грошей отъ людей. Але твердѣ кулаки отця и пянѣ слезы матери скоро приучили его, якъ можъ наилучше подѣйствовати на пановъ и пань. Утямивъ, что въ осени и зимѣ, коли въ своихъ ряндахъ трясся и корчився, грейдарѣ обильнѣйше падуть въ его дѣ-раву шапку. Научився корчитися и трястися цѣлымъ тѣломъ, стронти смутное лице. Почали и пятаки, шестаки падати въ его шапку. Отець и матери изъ пянства ани не пробужковалися. Добрый сынокъ, до-рога дѣтина! Черезъ три годы отецъ и матери погиб-ли въ своемъ дуплѣ, сгорѣли, коли выпавша изъ печки грань запалила на нихъ рянды и они, и не утямивши, что жаряться, кончили мизерный животъ.

Шкура, бо такъ назвали его товаришѣ-жебраки, ставъ самостойнымъ и зарабатывъ уже лишгъ на себе.

Мавъ лишъ 15 лѣтъ, але уже майстеръ въ своемъ фаху. Въ собѣ смѣявся надъ людьми, котрѣ працюють тяжко, а всежъ бѣдують, онъ зъ переконаньемъ и удовольнемъ играе театаръ и добре живе. О, не лишъ живе! Останеса у него еще доста поверхъ того, что треба ему для житя. Громадячѣся монеты взбужують въ немъ жажду за еще больше грошми. Грейцарѣ, пятаки, шестаки вымѣнное у старого жида на срѣбнѣ, золотѣ монеты и закоплюе въ землю въ своей гаврѣ въ циганской четверти. Позднѣйше стае любовникомъ паскудных, старыхъ, пянствующихъ жебрачокѣ, выдирае отъ нихъ зажебранѣ грошѣ. Знае городъ, якъ свою долонь. Кажду квартиру, каждого чоловѣка, звываѣ ихъ. То зновъ дуже корыстное для него, коли стане вызвѣдачомъ и подшептачомъ злодѣевъ, котрѣ скрываются въ циганской четверти.

Гордо помацае, а потѣмъ вытягуе золотѣ годники на товстомъ золотомъ ланцку. Се дали ему товаришѣ послѣ одного удатного розбоя, бо знали, что не гродасть, не укаже никому. Правда, много хосна изъ товаришства злодѣевъ не мавъ, дуже часто отбили его дасколькими срѣбными монетами або безцѣнными играшками.

36 лѣтъ жебраня, 36 лѣтъ громаженя грошей, 36 лѣтъ паскуды, мизеріѣ, свинства.

Нынѣ конецъ всему! Въ торбѣ тысячѣ срѣбныхъ,

въ кабатѣ зашитѣ тысячѣ въ банковкахъ, на тѣлѣ въ шкурной мошнѣ жменѣ золота. Теперь поѣде на такое мѣсто, гдѣ никто его не знае, буде жити спокойно, по пански. Е изъ чого! Може и уженитися. Якусь красну, молоду жѣнку не было бы эле взяти за жону. Чому бы нѣтъ? Грошми все можно сдѣлати, а онъ еще и не такой старый. При думцѣ на се голосно засмѣявся.

— Зъ тыми я выбабравъ — повторяе въ собѣ.

За 36 лѣтъ униженя, презрѣня, мерзости помстився имъ. Злобно подивися въ напрямѣ города, зновъ залаявъ и поднявся.

Пустився въ дальшу дорогу. Не хотѣвъ сѣсти на поѣздъ въ городѣ, де каждый знавъ Шкуру. Рѣшивъ пѣшкомъ пойти до города, котрый лежавъ дась на 40 километровъ при другой желѣзной линіи. Оттуды хоче вирушитися въ дальшу путь до головного города. Знае, что тамъ найлегше укрытися и жити изъ своего капитала. Завтра Великдень, завтра буде уже на мѣстѣ будучого щастливого житя. Ги—ги—ги!

*

Изъ села, лежачого направо отъ головной дороги дась на два километры, по поселочной дорозѣ ѣде возъ. Коней жене молодой паробокъ зъ глупымъ выраженьемъ лица. Тупо дивитися передъ собою. Завтра Великдень! Потомъ балъ. Тамъ будутъ всѣ,

там буде Ганя. Треба буде кавалѣромъ быти, дати заграти соло, пити и проуказатися правдивымъ паробкомъ. А грошей не е. Ани чоботы, котрѣ давъ учинити у жида, не могъ выкупити. Файнѣ чоботы, скрипучѣ, але жидъ безъ грошей не хотѣвъ ихъ выдати.

Свинство !

Якъ выѣхавъ на головну дорогу, попонукавъ коней и тѣ якийсь часть пустилися трапомъ. Але потомъ забывъ за нихъ и зновъ зажурено розмышлявъ, откуды бы добыти грошей. Разъ лишъ видить якогось пана, котрый передъ нимъ спѣшно убираеся дорогою.

Догнавъ его и застановивъ коней. Еге, якийсь панъ пѣшкомъ иде. Повезе его тай заробить якѣсь грейцарѣ.

— Гей, сусѣде, куды идете ? Сядьте на возъ, повезу васъ !

Панъ почавъ корчитися и крысаню стягъ на чоло.

Паробокъ подивився на него внимательнѣйше.

— Еге — ге, тадъ то Шкура ! Ледва я тебе познавъ. Что то, что ты по пански убраный. Но дивись !

Паробокъ недавно служивъ въ городѣ у одного жида и знавъ Шкуру добре.

Шкуру почавъ еще больше корчитися и сразу пришла на него трясючка. Скорчивъ лице и заговоривъ :

— Умерла ми тютка. Та иду на похороны пѣшкомъ, бо грошей не маю. Откуды бы мавъ сякий жебракъ якъ я? Добрѣ люде подаровали ми одежу, чтобы на похоронахъ не указався жебракомъ.

Паробок подозрительно дивился на Шкуру. Чувъ онъ не разъ, что сякѣ жебраки мають много грошей. А про Шкуру ходили вѣсти, что то богачъ.

— Та я не дбаю, хоть куды идешъ — сказавъ. — Ты лишъ сядь, повезу ты хоть бы до Рябого лѣса. Газда загнавъ мя на дрыва, завтра Великдень, треба дрывъ. Что будешъ махати пѣшкомъ! Сядь!

Жебракъ одну сикунду стоявъ нерѣшительно. Ноги его уже боѣли отъ довгого подорожованя тай отъ скрѣваня передъ людьми, зъ котрыми нечаянно стрѣтився.

Сѣвъ на возъ. Якъ сѣдавъ, кабатъ на немъ розщункався и паробокъ зъ удивленьемъ увидѣвъ на черевѣ его телембати товстый золотый ланць.

— Еге — ге — думав собѣ — сякий ты жебракъ.

Жебракъ въ замѣшаню загорнувся и трясячись сидѣвъ попри паробка на возѣ.

— Тяжко жити на свѣтѣ бѣдному чоловѣкови. Еге, паны все мають, а бѣдный лишъ журу!

— О-о-х — застогнавъ Шкура — ци я того не знаю?

— Живанъ проклятый — думавъ собѣ паробокъ — якъ притворяся.

Скоро доѣхали до лѣса. Дорога вела середъ лѣса, межи темными, ледва зачинаючимися зеленѣти деревьями.

— Го-о-о-о — закричавъ паробокъ. Конѣ стали. Паробокъ излѣзъ изъ воза и почавъ чтось бабрати около колеса.

— Богъ бы ты побивъ — бормотавъ — ци не выпавъ сворѣнь, добре, что утямивъ.

Взявъ сокиру зъ воза, скочивъ черезъ ярокъ и отрубавъ сильну вѣтку изъ найблизшого дерева.

Зробивъ клинь и забивъ на мѣсто выпавшого гвозда.

Потомъ полѣзъ на свое мѣсто. А тутъ, якбы сама собою, сокира взлетѣла у воздухъ и страшною силою спустилася на тѣмя жебрака. Жебракъ безголосно упавъ взадъ у возъ. Паробокъ понукавъ коней и повернувъ на лѣсну дорогу, а потомъ пустился по лѣсу въ гущавину.

Тамъ застановивъ коней и начавъ обысковати мертвого жебрака.

Отобравъ все, что лишъ въ спѣху могъ найти, потомъ тѣло кинувъ у выверть подъ однимъ дубомъ. Накинувъ на него листья, голузя и самъ, повернувши возъ, выѣхавъ зновъ на лѣсну дорогу и дале въ лѣсъ, де одну часть добычѣ заграбавъ въ землю, а пакъ спокойно поѣхавъ дале. Ганя буде дивитися. Выведе на балѣ чтось такое, что всѣ дѣвки будутъ за нимъ дурѣти!

Слимакъ.

(Б а й к а.)

Зъ великимъ трудомъ лѣзъ слимакъ по стернянцѣ, бо хижка на хребтѣ дуже заважала ему. Направо стебло, налево стебло — дорога межи ними узка, ледва могъ протиснутися, а мѣстами даже мусѣвъ обернутися и глядати новой тропы. Разъ лишь такъ заклинився межи стеблами, что ни впередъ, ни назадъ рушиться не могъ.

„Кий чортъ“ — каже гнѣвно слимакъ — „другъ сотворѣня не носятъ на собѣ свою хижку, лишъ я такой несчастливый, что безъ неѣ никуды рушиться не могу. Правда — она менѣ и притулокъ, и защита, але живутъ же и другъ безъ сякого тягаря тай живутъ легше якъ я. Скину я изъ себе мою хижку и буду жити такъ, якъ другъ разумнѣ сотворѣня. Что имъ удаеся, то удасться и менѣ“.

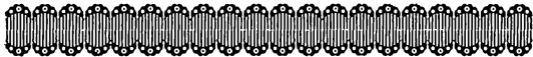
Якъ казавъ, такъ и зробивъ. Скинувъ слимакъ зъ себе свою хижку и весело рыскавъ по нивахъ и

ланахъ доти, доки не настали морозы. Прошли морозы, а слимакъ, збавлений охороны, змервъ.

Русине не подражай — нерозумному слимакови! Удержався ты до сихъ поръ въ своемъ языцѣ и въ своей культурѣ, удержишься въ нихъ и послѣ сего. А якъ за чужимъ будешъ гоняться, придетъ часъ, коли ни чужого, ни своего не буде. Загинешъ ты, бо забывъ слова поэта: „Не укращайтесь чужимъ пѣрьемъ“.

Дѣти.

Одного красного лѣтнего дня старый учитель пружистыми кроками и на блѣдомъ лицу зѣ jakimсь просвѣтленнымъ глубокимъ успокоеньемъ прийшовъ до дому.

— Слава Богу, мамко — говоривъ до своей жены — начинаеся вакація. Ледва — ледва дочекався еѣ. Въ послѣднихъ тыждняхъ нервы моѣ были такъ ровстроены, что лишъ напряженьемъ всѣхъ моихъ силъ могъ скончити школьный рокъ. Але теперъ отпочину. Не буду ничъ робити, лишъ спокойно сидѣти, купатися, на сонцю выгрѣватися, полежовати.

— Такъ и треба — отповѣла ему жона. Тай и я отпочину мало. Отъ того часу, якъ на веснѣ оперована, якосъ не чувствую себе добрѣ. И сесе малое хозяйство наше дуже тяжко обхожую, хотяй ты не требовательный и бережешъ мене.

— Лишъ дѣти . . . — хмурился старый учитель.

— Нѣтъ . . . нѣтъ — сказала его жона — сего року не прийдутъ до насъ. Обѣ писали, что поѣдутъ

до купели. Вѣдь знаютъ, что и ты слабый, и я хвора, тяжело намъ ихъ обходить. И намъ треба мало отпочити. Кромѣ того недавно нашивили насъ, видѣли насъ, знаеме, что добре суть, не е потребности, чтобы прийшли до насъ.

— Ну, добре, добре . . . забормотавъ учитель.
— Тогда славно отпочинеме.

Третього дня послѣ сей сцены стае кочія передъ домоу учителя. Изъ кочіѣ зъ великимъ висканьемъ вылѣзае старша донька учителя. Жона ги дубь, червенолица, висока, щирока. За нею внукъ, черноокий выкоханый малый шибенячокъ. А наконецъ пестунка зъ такимъ выраженьемъ лица, якбы зъ царского престола по недорозумѣню попала въ пестунки.

— Дорогий няньку, дорога мамко — кричала донька обнимаючи отца и матѣрь, что онъ кости въ нихъ трѣщали. Мы лишъ на три дны. А потомъ поѣдеме до сестры, а зъ нею вѣдно въ купѣль. Не могла оминути, чтобы васъ, дорогѣ моѣ родичѣ, не нашивити и узнати, якъ вамъ служить здоровля. Мы васъ не будеме обтяжовати.

Старый учитель ги мало закуренно дивився на свою стару, але потомъ лице его розъяснѣло.

— Славнѣ, добрѣ дѣти у мене — думавъ. А внукъ ги медведятко. Прекрасна дѣтина. А . . . въ конци концевѣ лишъ три дны.

— Ну, добре, добре — сказавъ голосно. Дуже радуемєся, что видимє васъ! Донька розложилає ся у всю свою величь на диванѣ и почала выкладати, якъ еѣ здоровля знищено. Нервы — аппетиту не мае, хребеть болить, ноги болять и всѣ прочое. Мамка на своихъ коротенькихъ опухлыхъ ногахъ рыскає отъ рана до вечера, чтобы бѣдну донечку заспокоити.

— О, бѣдненька моя, много трудилася. Отпочинь, отпочинь мало — бѣдкаєся стара.

Малый шибенякъ вынурюєся на найнеправдоподобнѣйшихъ мѣстахъ, а пестунка равнодушно прохожуєся за нимъ и крутить носомъ, якбы говорила:

— И сєсѣ паны? Мерзко . . .

Помагати . . . розумѣєся — не помагає. Разъ она пестунка, другий раз . . . въ гостяхъ.

Дѣдо мусить заниматься внукомъ, чтобы якась непоправима бѣда не настала и уже третєго дня такъ змученый незвычайною задачою, что зѣ завистью думает на свою школу.

— Дарьмо, отвыкъ уже отъ малыхъ дѣтей — оправдуює себе.

Третєго дня стає зновъ кочія передъ домоу учителя. Изъ кочиѣ выкасаєся друга донька, за нею внукъ войовничого вида, а за нею служниця зѣ болѣзненнымъ лицемъ. Зновъ висканье, выбухи радости и балаканя до безконечности.

— Мы лишь на три дны, дорогѣ родичѣ. Чекала я на сестру, потом учула, что у васъ е. Приѣхала, чтобы видѣти васъ и представи вамъ вашу внучку. Потомъ поѣдемъ до купели въедно.

Теперь уже обѣ доньки розкладаются на диванѣ и жалуются на судьбу, стара мати ихъ зѣ двойнымъ усердьемъ скаче по домѣ, а дѣдо двома дѣтьми занятый, бо ни на одну минуту не дають ему спокою. Именно межи внукомъ и внучкою отъ первой минуты выбухла война, дѣдо мусить ихъ мирити и гадковати на них, иначе ревъ и йойкъ и нарѣканя не перестаютъ.

— Дарьмо, отвыкъ отъ дѣтей — жалуеся вечерами дѣдо, коли змученый лѣгае спати и даже въ снѣ не дають ему покою внуки.

Третьего дня стають сразу двѣ кочи передъ домомъ учителя. Изъ нихъ зѣ великимъ достоинствомъ выступаютъ два паны — зятѣ. Одинъ изъ нихъ великанъ, изъ знаменитымъ черевомъ и зѣ голосомъ, якъ у трембѣты. Коли говорить, чути его до десятого сусѣда. Другий — деликатный панчукъ, углаженный и серьезный зѣ студенымъ взглядомъ. Тихо говорить, але такимъ тономъ, якбы вся мудрость свѣта отъ него походила.

— Мы лишь на якѣсь дны — трубитъ черевачъ. Желали васъ видѣти.

— Желали васъ видѣти — повторяе панчукъ зѣ

протекторскимъ тономъ въ голосѣ. Село, хотяя заосталое, однакъ мае и своѣ преимущества — солнце, воздухъ и такъ дале — додае съ непомыльнымъ пересвѣдченьемъ.

Старый учитель переселяея въ пчолникъ межи „мухи“, якъ ихъ шибенячокъ называе. Начинаея спека, зъ матери льеся потъ и лице еѣ зъ дня на день стае блѣдшое и ходъ тяжший. Платня учителя выстарчае ледва на якѣсь тыжднѣ, бо паны-затѣ в спецѣ жаждутъ, а пиво дорогое, ани не споминаючи харчовѣ. Аппетитъ у всѣхъ знаменитый, а кромѣ того не зато пришли въ гостѣ, чтобы токаномъ наѣдатися.

На конци шестого тыждня торжественно выбираются дорогѣ дѣточки и увѣряютъ нянька и мамку, что николи такъ добро не чувствовались, якъ за сесѣ тыжднѣ.

— Добре провели вакацію, лучше якъ въ купели — трубить зять-черевачъ.

— Шѣсть тыждневъ минуло, якъ одинъ день — притакуе зъ авторитетомъ другий зять.

— Предуже радуемеса — кажуть наньо тай мама зъ лицемъ мучениковѣ. Сѣдаютъ въ кочиѣ. Въ послѣдной минутѣ одной изъ дочокъ кидается въ очи мизерный выгядъ родичовѣ и кричить :

— Дорогѣ родичѣ, мы ачей васъ обтяжовали. Але коли мы васъ т-а-к-ъ дуже любиме.

Марька.

Перестрашенъ дѣти, котрѣ конецъ села около мочила пасли худобу, принесли вѣстку до села, что въ мочилѣ ктось утопился. „Овва“ — гуло село. Пошли люде, подивилися — утопилася якась жона. Вытягли утопленицю изъ мочила. Мала уже геть давно лежати у водѣ, бо довго-не могли упознати, кто то. Але по одежи та изъ розмоченной роботной книжки досудили, что утоплениця Марька. Но-т-та Марька! — заголосили жоны. „Дослужила наша Марька!“

—

Марька была бездомна сирота, якъ и еѣ мати, донька горькихъ пяницъ. Родичѣ доти пянствовали, дочки не пропили все, что мали и не загинули десь подъ чужимъ плотомъ. Мати Марьки отъ дѣтинства тулялась туй-тамъ, у одного, у другого, по большой части у жидовъ тай — якъ то звывкло быти — десь приобрѣла собѣ дѣтину — Марьку. Потомъ достала „гектику“ и черезъ якийсь годъ умерла. Марька осталася сама тай жила межи добрыми людьми, не

то жебрачка, не то работница. Де пристала, тамъ осталася доти, доки ктось другой въ селѣ не покликавъ еѣ до себе, бо Марька была сиѣшна дѣвчина и добра душа. Выросла Марька и изъ невзглядной жебрацкой дѣтины стала красною дѣвчиною. Каждый знавъ еѣ въ селѣ и каждый радо помогъ ей, коли треба было.

Одного дня выбубновали въ селѣ: „Кто хоче ити служити до чужого краю, най иде записатися до паня нотароша“.

Записалася и Марька. Добрѣ люде помогли, дали сорочки, ширинки, одежу — най не говорятъ въ свѣтѣ, что у насъ самѣ жебраки.

Поѣхала Марька и попала недалеко одного великого города у великое газдовство якъ работница.

Ничого — добре жилося Марьцѣ. Добрый и богатый кость, и платня добра. Лишь одно мерзило Марьку — тамошнѣ люде посмѣвалися надъ нею, надъ еѣ простодушностью, надъ еѣ глубокою, дѣтинскою инстинктивною религіозностью. И почали Марьку розвивати, просвѣщати. Много труду не мали, бо Марька была остроумна и поворотлива дѣвчина и скоро приспособилася до нового способа житя, до новыхъ звычайевъ, до нового думаня, до нового, свободнѣйшого взгляда на животь. Лишь религіозность еѣ осталася довгий часть непоколебимою. Се послѣднее звено, котрое связовало еѣ зъ тымъ бѣднымъ

селомъ подъ Карпатами и зъ тымъ бѣднымъ народомъ, изъ которого произойшла, крѣпкое было и не хотѣло розорватися. Марька зъ инстинктомъ животины чувствовала, что якъ се звено лопне, лопне и еѣ житя.

До выгнаня религіозности изъ Марьки взявся наконецъ якийсь машинистъ ци шоферъ, городской — якъ онъ твердивъ — свѣдомый пролетарь, просвѣщенный безбожникъ, безъ чувства моральной отвѣчальности. Ниякъ не могло влѣзти въ его пролетарску голову, что бѣдный чоловѣкъ, а еще къ тому свѣжа, молода дѣвчина, мае вѣровати въ Бога, слухати поповъ, ходити до церкви, вообще заниматься дурнициами, коли то все только фантазія и неправда. И почавъ просвѣщати Марьку способомъ, який отъ початку свѣта наилучше дѣйствуетъ на женщинъ. Накрученъ бавусы, любовнѣ погляды лестнѣ слова не остались безъ впечатлѣня ани у Марьки. Марька почала меньше молитися, а больше роздумовати надъ тымъ, что кождый день чула отъ лестного машиниста. Почала замѣчати речи, котрѣ до сихъ поръ здавались ей зовсѣмъ природными, а теперъ не могла ихъ порозумѣти и поняти своимъ простенькимъ розумомъ. Повстали въ еѣ головѣ вопросы, на котрыхъ нигде не находила розумного отвѣта. Справдѣ — чому се, чому то? А може правду мае машинистъ? Отрова помалѣ, але навѣрно дѣйствовала, а коли

панъ машинистъ признався въ любви, у вѣчной вѣрности и почавъ намекати на свадьбу — звено въ сердци Мзрьки лопнуло.

Марька была щастлива, але неспокойна. Чтось грызло еѣ, чтось подсказовало недоброе. Разъ лишъ Марька почала блѣднути, часто млоило еѣ. Роздумовала надъ чимсь и минутами была якбы безъ себе.

Одного красного дня машинистъ безъ вѣсти шезъ. Куды пропасть, никто не знавъ, або не хотѣвъ знати. Мужчины на газдовствѣ все частѣйше и все безочливѣйше почали докучати Марьцѣ. Люде почали пролетарку изъ подъ темныхъ Карпатъ гонити, якъ гонять тамъ далеко звѣрину. Безбожна культура розвилася въ повной своей чаровой красѣ. Марька убивалася, плакала, пробовала молитися и глядати помочи у Того, котрого отреклася. Але не ишло то, бо здавалось Марьцѣ, что того на семь мѣстѣ не може быти.

Де же тотъ, котрый може Марьку помиловати? Тамъ е, тамъ подъ темными Карпатами, туда треба вернуться, чтобы спастися.

Одного дня Марька зобралася, сѣла на огняникъ и приѣхала до Унгвару. Сейчасъ, такъ якъ была, изъ зайдою, спѣшила до церкви. Доки не поговорить зъ Тымъ, котрого такъ добре знала переже, нѣтъ моготы дале ити. Упала на колѣнки и под-

няла своѣ очи къ Розпятому. И здавалося ей, что тотъ гнѣвно и зъ омерзѣньемъ дивиться на неѣ. Всежъ почала : „Отче нашъ . . .“

И вотъ изза Христа просунулася голова, чорна, зъ рогами и зъ накручеными бавусами — лице машиниста.

И зареготавъ проклятый : Не е . . не е . . . тай кивае на неѣ перестомъ зъ острымъ ногтемъ. „... иже еси на небесѣхъ . . .“ — загаковалася Марька.

Марька закрыла очи, заткала упи и пробовала дале молитися, Слова священноѣ молитвы мѣшались зъ грубыми фразами, котрѣ такъ часто чула от машиниста. Хотя очи закрыла, всежъ здавалось ей, что видеть гнѣвное лице Христа. Дѣвы Маріѣ, Николая, святыхъ и ангеловъ, видеть въ очахъ ихъ осуженя свое. Схопилася Марька, выбѣгла изъ церкви и пѣшкомъ пустилися до своего села. Застановилася передъ розпятъемъ на конци города, але якъ почала : „Отче нашъ . . .“ высунулася голова проклятого и зареготала :

„Не е . . . не е . . .“

Марька почала бѣчи, доки было силъ. Потому якъ подстрѣлена птиця, помалымъ крокомъ ступала въ напрямѣ своего села.

Передъ розпятями уже здалека закрыла лице ширинкою и заткала уши, пробѣгла и лишь, якъ

уже далеко была отъ креста, пошкандыбала повольнѣйше.

И прямо до мочила.

—
„Овва, Марька!“

„Дослужила наша Марька!“

Гіена.

(Б а й к а)

Невинное ягнятко попасовалось въ полю, по милому роздолю. Кругомъ зеленый лугъ, а дале лѣсъ таемный и водъ кристальныхъ теченя, зеркало неба синѣго и стадо хмарѣ летучихъ. Далекий ревъ вовковъ голодныхъ ягнятка нимакъ не тревожило, радости жизни ве каламутило, вѣдь мала патрона, вѣрного защитника, надежного — гіену. Зѣ палаючими очима, зѣ блестячими клами кружила она день и ночь около пасѣвки и отганяла кровожадныхъ вовковъ, чтобы невинятко не обидили.

„Скажи ты намъ“. — ревели вовки — „чому не дашь намъ покушати мяса солодкого, напитись крови тепленькой?“

„Зато“ — шкѣрилась гіена — „бо я сама хочу покушати мяса солодкого и напитись крови тепленькой!“

Купованя мелаю въ 1919-омъ г.

(Изъ воспоминокъ.)

Початкомъ новембра 1918-го года дойшли вѣсти про конецъ войны и до Марамороша. Скоро почали вертатися до дому и вояки изъ всѣхъ фронтовъ свѣта. Якъ зобралося ихъ достаточное число, сейчасъ начались тайнѣ порады о томъ, якъ збавитися пановъ, жидовъ, а головно: якимъ способомъ можъ бы отобрати землю отъ тыхъ, у котрыхъ е еѣ много и подѣлитися нею. Зачимъ одна часть вернувшихся вояковъ принесла зъ собою и своѣ пушки зъ мунициєю, положеня стало опаснымъ, въ якихъ селахъ почали проганяти нелюбимыхъ духовниковъ, нотаревъ, работати жидовъ и убивати ихъ. Мѣстна жандармерія боялась энергично выступити противъ анархїѣ, одна часть жандармовъ, и то найбільше энергичнѣ изъ нихъ, утѣкла, а котрѣ остались, не смѣли ани указатися. Жиды и заможнѣ газды на се вытворили якусь милицію и особенно въ ночи зъ пушками и револьверами въ рукахъ сокотили себе и свой маетокъ. Револу-

ційна анархія не тревала довго. Причина была недостатокъ хлѣба. Мелай находився въ рукахъ жидовъ и заможнѣйшихъ газдъ, слѣдовательно бѣднѣйшѣ и найбільше революційнѣ елементы примущенѣ были помиритися зъ ними и сякъ въ короткий часъ цѣлое революційное движеня перейшло въ руки заможнѣйшихъ елементовъ и жидовъ.

Сякъ у селѣ Б. въ середнѣмъ Марамороши уже початкомъ весны 1919. года появились молодѣ жидовскѣ большевицкѣ агитаторы, котрѣ почали організовати русиновъ въ большевицкѣ клѣтки. Агитація была зовсѣмъ умѣрена, была звернена выключно въ напрямѣ забраня и подѣленя великопанского и ерарного маеку, о дѣленю земель заможнѣйшихъ газдъ або жидовъ вовсе не говорилося. Отношеня уже подѣ правительствомъ Каролія стали больше-менше нормальными и даже большевицка революція, подѣ панованьемъ котрой середний Мараморошъ находився всего одинъ мѣсяць, особенного заколоту не причинивъ зновъ изза той причины, что хлѣба уже и у заможнѣйшихъ газдъ тай жидовъ не было. Народъ инстинктивно чувствовавъ, что анархія може довести до голодной смерти и зато желавъ возстановленя порядку, чгобы могъ закупити и довести собѣ хлѣба. Изза сей причины мараморощане `вообще не были противъ оккупаціѣ Марамороша румунами, наоборотъ — велика часть населеня Марамороша радовалася,

бо надѣялася на то, что въ Румуніи може дешево и легко закупити хлѣба. Жи́ды — розумѣся — были констернованѣ, бо румуны отъ почѣтку поступали зъ ними дуже круто и обдѣрали ихъ всякими можливыми способами, чимъ сдѣлали для нихъ торговлю майже неможливою. Концемъ апрѣля 1919-го года недостатокъ мелаю ставъ дуже чувствительнымъ. Мелай дуже подорожав, бо жи́ды не смѣли изза здирокъ румунского войска достарчати его, але и русины дуже тяжко могли довести або донести (дуже много людей пѣшкомъ ходило на низину и на своихъ плечахъ тягло 1-2 вѣка мелаю на 100-200 километр. отдаленость), бо часто ставалося, что на дорозѣ были обдиранѣ румунскими военными постами, або просто выработванѣ.

Сякъ стояло дѣло, коли въ Б. 3-4 добрѣ газды, видячи, что народъ находится у великой бѣдѣ и въ надѣи на добрый заробок, рѣшили будь что будь довести изъ низины хоть одинъ вагонъ мелаю. Приготовилися на дорогу, склали грошѣ и пустилися въ далекий путь. Въ Хустѣ посѣдалп на огняникъ (поѣздъ) и поѣхали въ напрямѣ Сукмара и Великого Варадина. На окнахъ вагоновъ не было ни одного цѣлого скла, всё было запаскужено, вагоны повнѣ блощичами и вошми. Поѣздъ не ѣздивъ, а только лѣзъ, часто стававъ, бо не было ни угля, ни дровъ. За Галминомъ на каждой третей стаціи влѣзъ у ва-

гонъ якийсь кондукторъ ци контролоръ, котрый на первый поглядъ установивъ, что билеты недобрѣ, треба доплатити 10-20 коронъ, иначе повыкидуе ихъ изъ поѣзда. Что было робити? Токмилися и платили. Сякъ доѣхали до одного села на дорожѣ mezi Сукмаромъ и Великимъ Варадиномъ. Найшли одно великое хозяйство, въ котромъ закупили одинъ вагонъ мелаю съ довозомъ до стаціи, але безъ мѣховъ, бо мѣховъ въ томъ часѣ уже не было.

Теперь началась правдива кальварія для нихъ. На стаціи о вагонѣ, а особенно о крытомъ вагонѣ, такъ якъ мелай мавъ безъ мѣховъ сыпатися у вагонъ, никто ани чути не хотѣвъ. „Не е — тай готово“. Смутно ходили около стаціѣ, доки якийсь желѣзничный служачий не надуумѣвъ ихъ выразнымъ жестомъ. „Треба платити!“ Подплатили настоятеля стаціѣ, найшовся вагонъ, привезли мелай, насыпали, и самѣ посѣдали у вагонъ, чтобы сокотити мелай. Чекають одинъ день. Нигде ничъ. Чекають другой день. Нигде ничъ. Сидять на одномъ мѣстѣ. Идутъ интересоватися, чому ихъ не причипляють до котрогось поѣзда. Якийсь валюхъ пояснивъ имъ, что ось у вагона не е у порядку. Перший разъ треба ось намастити. Намастили долонь валюха -- всё въ порядку. Зновъ сидять одинъ день. Нигде ничъ. Правѣ приѣзжае поѣздъ на стацію, просять, чтобы ихъ вагонъ прицѣпили. „Якже, сейчасъ!“ Але машинистъ

изъявляе, что вагонъ прицѣпнати не можъ, бо машина не мае доста силы. 200 коронъ машинистови — у машины прибыло силы. Прицѣпили — ѣдутъ. Слава Богу — радуются. На третей стаци прителембае до ихъ вагона якийсь валюхъ съ клепачомъ. Ковтае въ колеса, потомъ дае розказъ: „Вагонъ отцѣпнати, бо колеса не въ порядку!“ Нашѣ русины уже змудрѣли и 200 коронами привели къ порядку и колеса. ѣдутъ. На слѣдующой третей стаци то саме. На слѣдующой зновъ машинѣ треба было додати силы 100 коронами. Сякъ ишло то ажъ до Хуста. Довозъ мелаю стоявъ имъ больше, якъ сколько заплатили за мелай. Всежъ не утратили, даже красно заробили. Але не на мелаю. Заробили на томъ, что попри мелаю закупили дасть 200 килограммовъ мадярского табаку, уккрыли подъ мелаемъ и дома зъ великимъ зыскомъ, такъ якъ бывъ великий недостатокъ табаку, розпродали. Помогли и людямъ, и самымъ собѣ, але другой разъ мелаю куповати не ишли. Доста было разъ. Слава Богу, что зъ цѣлою шкурою вернулись.

Муха.

(Байка.)

Зажурено лѣтала муха по домѣ. Любила бы чогось добраго покушати, але ни до чого ани принюхати ей не дають. Де дагде чтось смачнѣйшого, то прикрыто скляным ковпакомъ, о котрый дарьмо бѣся головою, достатися до него не може. А что не прикрыто, надъ тымъ бдить око хозяина, котрый все доброе пряче въ себе. А ты, бѣдна мухо, живись отпадками тай смѣтьем!

Розгнѣвалася муха тай каже :

— Де суть моѣ права? Боги назначили менѣ сей домъ для выживленя, а тутъ менѣ жити не дають. Давай моихъ правъ!

— Дуже радо — каже хозяинъ.

— Вотъ, тутъ маешь цѣлое блюдо первоклассной приправы. Если наѣшься изъ неѣ, нигда больше не будешь голодна. А если се ти мало, можу ти доручити сего солодкого клею. Успокоишься на вѣки вѣчнѣ. Маешь право выбирати!

Покаженна радость.

На дворѣ подѣ розсохатыми скелетами двохъ огромныхъ липъ стоить хлопчикъ. На головѣ червена гусарска шапка, котра глубоко сидить ему въ чолѣ, закрывае оба уха, половину лица, а взадѣ досягае ажъ помежи лопатки хлопчика. На розѣ шапки золотисто свѣтитъ округлый щитъ зъ пробитыми на немъ буквами ІФІ. На тѣлѣ короткий бекечъ кавовой фарбы, перепоясанный широкимъ ремнемъ, за котрый гордо застромлена широка деревляна сабля. На ногахъ ногавички и великѣ чоботы. Отець бережливый чоловѣкъ, гардероба хлопчика изъ непотребныхъ частей вояцькой одежѣ отця шиковными руками матери повстае, а что купуеся, купуеся все въ такихъ размѣрахъ, чтобы выдержало добрыхъ пару лѣтъ. Дѣти растутъ ги хмѣль, кто бы ихъ достарчавъ новымъ каждого року?!

Все покрыто непорочною бѣлостью снѣга, на небѣ ни хмарки. Сумерки паближаются, а зъ ними чистый, прозрачный морозъ, котрый якъ кристальное

скло дзилинъе въ сердци чоловѣка. Носикъ хлопчика отъ мороза почервенѣвъ, очи его свѣтятъ жаромъ незвычайнаго напруженя. Якбы прислуховався чогось, вертитъ головою направо — налѣво, потомъ потрясе головою такъ, что отцева шапка еще глубше насунеса на чоло и журливо дивитъся вогкими мышинными оченками на чистое небо. Хвилинку стоить въ нерѣшимости, потомъ цабае къ воротамъ и къ низко острыженому живому плоту. Вынимае изза пояса саблю. Боязко! Не разъ чувъ у ночи, коли гостивъ у бабки на конци села, вой вовковъ и отчаянное квиленя пса. Страхъ трясе нимъ, але ноги тягнуть его и противъ волѣ его къ воротамъ и къ низко острыженому живому плоту. Осторожно дивитъся направо — налѣво, прислухуеся и наконецъ розочаровано вертаеся къ жовтому ерарному будинку. Высунувши языкъ отъ напруженя, спѣшитъ горѣ сходами въ сѣни, отуды въ кухню, де мати приготавлиае стравы на Св. Вечерь.

„Мамко, мамко“ — сказавъ хлопчикъ зъ зажуренымъ лицемъ — „справдѣ нынѣ прииде Исусикъ?“

„Нынѣ, сынку, нынѣ. Коли перша звѣзда появиться на небѣ, то е знакъ того, что Исусикъ спустився изъ неба на землю и начинае нащчвляти добрыхъ дѣточокъ. Принесе имъ краснѣ подарунки тай красну — яличку“.

Очи дѣтины засвѣтили отъ несказанной радости.

Задумався, потомъ ледва замѣтнымъ сомнѣньемъ въ голосѣ сказавъ :

„Але я добрый бывъ, ци такъ?“

„Добрый, добрый“ — отповѣла мамка.

„А ци можъ видѣти, коли Исусикъ придетъ?? Я бы такъ любивъ его видѣти!“

„Нѣтъ, Исусика ни видѣти, ни чуги не можъ. Невидимо, неслышно приходитъ и отходитъ.“

„А я бы такъ любивъ его видѣти“ — повторивъ хлопчикъ.

„Иди еще на дворъ и дивися, ци не появилась уже звѣзда“ — сказала мамка.

Хлопчикъ схопився и выбѣгъ на дворъ. Дивився на всѣ боки и прислуховався. Тѣни ночи начали облѣкати всѣ предметы у темнофіялову одежду. Разъ лишь издалека, якбы въ снѣ, тоненькій голосъ за-спѣвавъ :

„Дивная новина, нынѣ Дѣва сына породила . . .“

Хлопчикъ безголосно, якбы струнами своего сердца, спѣвавъ вѣдно зъ далекимъ голосамъ. Потомъ встрепенувся, бо вспомнувъ, что если колядуютъ, звѣзда уже появилась. Внимательно подивився на небо и дѣйстно, на востоцѣ мигала уже одна маленька звѣзда.

Хлопчикъ якъ стрѣла летѣвъ въ кухню и трясу-чимся отъ радости голосомъ заявивъ :

„Звѣзда, звѣзда . . . Уже!“

„Добре сынку! Останься туй, а я подивлюся, ци не прийшовъ уже Исусикъ. Доти розодягайся!“

Хлопчикъ нерѣшительно подивився около себе въ знакомой, милой кухни.

Потомъ гнанный якимсь страхомъ, ци сомнѣ-
немъ, выскочивъ изъ кухнѣ и черезъ сѣни выйшовъ
на сходы. Старательно подивився въ напрямъ звѣзды.
Звѣзда уже ясно свѣтила. Успокоенно хотѣвъ верну-
тися въ кухню . . .

Але что то? Черезъ ключеву щѣлину дверей,
ведучих до жилой комнаты, пробивався острый лучъ
свѣтла. Хлопчикъ, якбы якийсь магнетъ тягъ его къ
щѣлинѣ, нагнувся и подивився черезъ дѣрку въ ком-
нату. Сердце его застыло. Отець изъ запертой скры-
нѣ вынявъ окрашену маленьку яличку, положивъ на
столъ, мати выпростила помяцканѣ вѣтви, привела
яличку въ порядокъ, а отецъ почавъ запальовати
свѣчечки.

Якъ довбнею заглушенна рыба, шпотаючись вер-
нувся въ кухню. Сердце болѣло, въ головѣ потемнѣло.

„Не Исусикъ приносить яличку, не онъ дае по-
дарунки. Отець и мати обманюють мене“ — горѣвъ
отъ стыда и розочарованя хлопчикъ.

Механично почавъ роздѣватися, лишь огромну
гусарску шапку забывъ сняти изъ головы.

„Не Исусикъ, не Исусикъ . . .“ — брынѣло въ
его сердци. Одного лишь желавъ, утечи отсюды и
ити, куды очи глядять.

Мати зайшла въ кухню и сказала: „Уже Исусикъ загостивъ до насъ, подь, подивися, что принесъ тобѣ“.

Хлопчикъ стоявъ зъ опущенною головою, очи повнѣ слезами, лице тряслось.

Мати взяла его за руку и вела до комнаты. Хлопчикъ якъ въ снѣ ишовъ за нею, але въ сѣняхъ голосно зарыдавъ. Мати скоро отворила двери и завела его въ комнату, де на столѣ красовалася яличка. Хлопчикъ ставъ недалеко дверей, черезъ слезы подивився около себѣ и спустивъ голову, зновъ голосно зарыдавши. Сразу открылося перѣдъ нимъ якъ бы въ заблеску молніи все то, что до сихъ поръ было закрыто перѣдъ нимъ вѣрою, и илузіями дѣтинства — бѣдное заряженя комнаты, бѣдненька яличка, отцева гусарска шапка, пахнучій овчиною бекечъ, грубѣ чоботы, черезмѣрна бережливость отця и слезы матери . . .

*

Сей хлопчикъ бывъ я, нынѣ старый чоловѣкъ. Я, якъ нынѣ, на Святый Вечерь, въ вспоминкахъ пробѣгну черезъ мою жизнь, знаю, что большой боли и розочарованя не заживъ я николи.

Дрозды.

(Байка)

Въ фамиліи Дрозда настала велика радость. Послѣ многихъ журъ и старанъ удалось бѣдненькимъ супругамъ вывести двоихъ дрозденягъ. Самѣ не доѣдали, все носили дѣточкамъ, гордости цѣлого роду. Выросли дрозденята и разѣ лишъ почали свѣвати. Слухае отецъ, слушае мати — спѣвъ ги дроздиный, але всежъ не такой, якъ ихъ спѣвъ. Каже мати:

— Голось у васъ добрый, але якось не такъ спѣвае, якъ другѣ дрозды.

Ба — каже одинъ изъ молодецвъ тай починае крутити носомъ — я спѣваю иначе, бо я уже не дроздъ, а **дріздъ**.

— А я — каже другой — ни дроздъ, ни дріздъ, а принадлежу къ роду **дроздоффъ** и желаю спѣвати твйордо.

— А всежъ — каже мати — хоть якъ спѣвае, есте и останетесз простыми . . . дроздами.

Свѣдки.

Одного дня Федоръ Коциба, замужный газда и дуже честный чоловѣкъ, довгими кроками спѣшивъ, на фару. Лице его указовало замѣшательство, раздраженность, нерѣшительность и здалеку вѣстило, что Федора постигло чось нечуваное, чось небывалое.

„Слава Иисусу Христу“ — сказавъ Федоръ и, не чекаючи ани отвѣта, продолжавъ; „Чули вы, пане превелебный, сяку напастъ? Шльома заправотивъ мене, что я ему доужень тысячу коронъ. Никда я отъ него не зычивъ тысячу коронъ. На что бы менѣ его тысячѣ коронъ? Еге, призывъ нѣ судъ! Что бы вы менѣ порадили?“

Старый священникъ взявъ отъ Федора призывъ, подивився — дѣйстно: Шльома Финкелштейнъ требуетъ отъ Федора Коцибы заплаченя 1.000 коронъ доужу зъ пождами и другими принадлежностями.

„Ци были вы, Федоре, у Шльома?“

„Быв“ — каже Федоръ. „Каже, что я ему дов-

женъ 1000 коронъ. Мае на то свѣдки“.

„А не зычили вы колись от Шльома якъсь грошъ?“

„Правду кажучи“ каже Федоръ — „разъ на веснѣ, коли треба было чось заплатити въ сѣльску кассу, позывивъ я отъ него 10 коронъ. Але заразъ другой день отдавъ ему“.

„Очевидно“ — казавъ священникъ — „Шльома фальшивыми свѣдками орудуе. Ци не знаете, кто суть тѣ свѣдки?“

„Не зную, забывъ позвѣдати, але еслибы и звѣдавъ, проклятый бы и тогды не прозрадивъ, кто то суть

„Бѣда“ — казавъ священникъ. „Противъ фальшивыхъ свѣдковъ тяжко чогось розумного порадити. Кобы я знавъ, кто они, могъ бы поговорити зъ ними. Але жиць ихъ ажъ до суда не прозрадити. Туй надѣя хйба на Бога и на его справедливость!“

Федоръ смутно, безрадно вийшовъ изъ фары. Разъ лишь вспомнувъ, что Шльома мае въ селѣ отвѣчного неприятеля — Лайзера. „Клинъ клиномъ выбывай“ — подумавъ собѣ. „А може Лайзеръ порадить? Недавно побилися въ самой бужни на первенствѣ, теперъ правотяться передъ рабиномъ. Если Лайзеръ ие поможе, такъ никто“.

Зайшовъ до Лайзера и розказавъ ему свое го-

ре. Лайзеръ выслухавъ Федора, а потомъ, поглажуючи свою довгу бороду и якусь жидовску мелодію поспѣвуючи, почавъ ходити по комнатѣ. Наконецъ ставъ, приступивъ зовсѣмъ близько до Федора и тихо сказавъ ему: „Поможу вамъ, Федоре. Буде то васъ стояти дасъ 50 коронъ. Але той ганефъ, той шайгець не буде видѣти вашихъ 1.000 коронъ.“

Тай почавъ чтьо шептомъ выкладати Федорови. У Федора лице розъяснилося и успокоено вернулся дому.

Надойшовъ терминъ суду. Еще темно было, якъ Федоръ зъ двома людьми вирушився въ дорогу. Очевидно зато такъ завгодѣ, чтобы Шльома не видѣвъ ихъ.

На судѣ звѣдаеся судія Федора: „Ци признаете, что вы тогда и тогда позычили отъ Шльома Финкелштейна 1000 коронъ?“

„Признаю“ — каже Федоръ. Шльома, якбы его шиломъ кольнуло, скубнувъ собою и вытрѣщивъ очи на Федора.

„А тогда чому не хочете заплатити свой довгъ“ — продовжае судія.

„Та зато“ — каже спокойно Федоръ — „бо я уже сесь довгъ Шльомови заплативъ тогда и тогда“.

„Маєте на то свѣдки?“

„Маю“ — каже Федоръ. „Тамъ суть на корридоръ. Побожаться, что я свой довгъ . . . еге . . . сусѣдови честно отдавъ“.

„Пане судіе“ — каже на се Шльома — „беру право назадъ. Не люблю правотитися зъ людьми, мудрѣйшими отъ мене.“

Мотыль и цвѣты.

(Байка)

Лѣтавъ мотыль по широкому полю и ссавъ солодкий медъ изъ простыхъ, незабагливыхъ цвѣтокъ своего вольного царства. Сѣвъ отпочинути надъ поточкомъ и любовався собою въ зеркалѣ прозрачной воды.

— Красавецъ я — думавъ собѣ — сѣ простенькѣ цвѣты и недостойнѣ того, чтобы служили менѣ.

Смутно полетѣвъ дале. Разъ лишь увидѣвъ на стѣнѣ просторной залѣ роскошну китицю чудесныхъ цвѣтовъ.

— Вотъ, сѣ цвѣты годятся къ мнѣ!

Крикнувъ и уже залетѣвъ черезъ открытое окно въ залу и сѣвъ на китицю. Але зъ омерзѣнемъ поднявся зъ неѣ, бо китиця была только мальована. Хотѣвъ вернуться на свое поле, але не могъ, бо окно уже было заперто и дарьмо бився о скло, чтобы достатися на свободу.

— Обманъ — стогнавъ.

— Обманъ? — отвѣло скло. Нѣтъ, только заслужена кара такимъ, якъ ты, котрѣ недовольнѣ тымъ, что мають и все забагуе ихъ за чужимъ.

И уже простягалася рука, чтобы приколоти его булавкою.

Народочисленя.

(Гуморескъ.)

Оголошуея народочисленя и я, одинъ изъ тыхъ миллионовъ, до котрыхъ се оголошеня относиться, чувствую чось возбужающее, чось взышенное, чось гордливое, чось, что простыми словами и высказати не можъ, можъ только чувствовати. А якбы нѣтъ. Живъ я — незначна клѣточка въ огромномъ организмѣ — до сихъ поръ никимъ незамыченный, хиба что екзекуторы знали за мене, а теперь зразу интересуея мною сама Держава, хоче знати и про мене, хоче знати, кто я такий, откуда похожу. якъ живу, чимъ занимаюся, однимъ словомъ хоче мати мою — такъ сказати фотографію, зняту зъ мене спереди, зъ обохъ боковъ, иззаду, зверху и здолу, извнѣ и внутри. Правда, сяку фотографію звыкли робити о злочинцахъ, але я думаю, что и злочинець гордый на то; что полиція такъ основно интересуея нимъ. Я не злочинець, ни якийсь славный ци богатый мужъ, про якъ звыкли газеты писати, головно

тоды, коли наконецъ рачать переѣхати изъ сего житя у Вѣчность и дадутъ мѣсто тымъ, котрѣ уже давнымъ-давно чекають упорожня ихъ и радо бы пристали и на то, чтобы съ славнѣ мужѣ хотя бы на колесници Илиѣ поѣхали туды, де нѣтъ чиновъ, нѣтъ телековыхъ книгъ, нѣтъ титуловъ, нѣтъ бляшокъ на груди и другихъ подобныхъ суеть, недостойныхъ серіозного чоловѣка и мудреца. Нѣтъ — я простенький чоловѣчокъ безъ чиновъ, безъ титуловъ и безъ бляшокъ, зъ ними связанныхъ. Радуюся, что живу и никто мною не творится.

Всежь така велика нагода, як народочисленя и мене встревожило не въ малой мѣрѣ. Представивъ я собѣ, якъ придетъ къ мнѣ якийсь комиссаръ, и то не хоть який пройдисвѣтъ, а истинный панъ въ цилиндрѣ, въ святочной одежи, въ рукавицахъ и торжественно передасть менѣ отповѣднѣ бланкеты въ супроводѣ маленькой рѣчи и поясненя что до выповнення, такого важного документа, якъ бланкеты народочисленя. Ну — выповнити бланкеты не буде для мене тяжкимъ дѣломъ, въ конци концевъ знаю, кто я, кто моѣ родичѣ и все прочое.

* * *

И такъ зъ нетерпеливостью чекавъ я тотъ изрядный день, коли начнеся народочисленя. Сподѣвався на то, что я буду межи першими, до котрыхъ панъ комиссаръ пожалуе и зато приготовився, чтобы

прилично приняты у себе важную нашивку и вытворити на лица отповѣдный серьёзно торжественный выразъ.

Чекавъ одинъ день — ничъ. Другой день — ничъ. Девятый, десятый, пятнадцатый день — ничъ. Уже отъ сего дня носъ мой, котрый въ сѣ дни носивъ геть высоко, ухлявъ и почавъ якось протяговатися. Что се — думаю собѣ — за мене ачей забыли? Куды мнѣ обернутися, чтобы звернути увагу на то, что и я существую? Вижу, что якийсь панчукъ снуетъ по улицяхъ сюда-туда, заходить до одной хижѣ, до другой, даже до ближайшихъ сусѣдовъ, а до мене — ничъ. Се уже показалось менѣ маленько ги обиднымъ, бо хотяи я маленький чоловікъ, всеже не есмь зовсѣмъ нулла.

Наконецъ вечеромъ пятнадцатога дня въ субботу, вижу, что тотъ самый панчукъ, котрого видѣвъ въ сихъ дняхъ бѣгати по улицяхъ, приближаеся къ воротамъ моего дома. Хвала Богу — думаю собѣ — всежь не забыли за мене. Выстроивъ на лицо торжественно-кислый обиженный выразъ и летѣвъ отворити панчукови двери. Ай тотъ, якъ увидѣвъ мене, чтось забормотавъ и лишъ такъ черезъ двери сунувъ менѣ въ руки якъсь бланкеты и, уже отходячи, сказавъ: „Выповнѣть! Десь въ понедѣлокъ або второкъ прииду за ними“.

Зъ симъ щезъ. Я вонь скаменѣвъ. Что се? Сякое важное, торжественное дѣло, лише сякъ

поверхово, укь—мукь—фукь отправляеся?

Ну — вижу тутъ нѣчого дѣлати и забрався въ мое дупло, чтобы пересмотрѣти поданѣ мнѣ бланкеты. И тогда видѣвъ я, что сѣ бланкеты по совѣсти и правдѣ выповнити геть мудреное дѣло, тутъ даже потребно звернутися за порадою до мудрѣйшихъ людей, якъ есмь я.

Берѣмъ напримѣръ сякий [вопросъ: Ци можно васъ считати жидомъ?] На сей вопросъ я зъ чистую совѣстью могу отповѣсти саякъ: „Не только могу, але и считаюся всѣми, кто мене ближе не знаютъ, жидомъ“. Хотяй я правовѣрный грекокатоликъ и ничего спольного зъ жидами не маю, всежъ въ первой мѣрѣ фаховцѣ въ жидовствѣ ци нежидовствѣ, именно самѣ жида, безъ выимковъ признають мене жидомъ и если въ пятницу вечеръ встрѣчаюся зъ ними, учтиво кланяються мнѣ: „Гіть чабесь“, на что я также учтиво отвѣчаю: „Гіть чабесь“. Не отвѣчаю ничего правовѣрнымъ християннамъ, котрѣ, встрѣтившися зъ мною, розными лестными замѣтками въ родѣ: „Вонячий жидиско“, „Маршъ въ Палестину“, „Сесь паршивецъ все еще тутъ валяеся?“ и т. д. честують мою скромну особу. И хотя знаю, что тѣ, котрѣ зъ наибольшою яростью высказують свое мнѣніе о жидяхъ, еще 3-4 годы тому назадъ ани носа не умѣли утерти безъ помочи жидовъ, всежъ непускаюся въ споръ зъ ними, что-

бы вмѣсто словъ не получить чувствительнѣйшихъ рукоимныхъ аргументовъ. Такъ я и записавъ: „Считаюся жидомъ, але не есмь жидъ“.

Або берѣмъ другой вопросъ: „На какой основѣ володѣете вы своимъ домомъ?“ На се тоже только одинъ отвѣтъ могу дати: „На основѣ идиотства.“ Именно я, якъ доврчивый чоловѣкъ, увѣровавъ общянкамъ „Пітполонинского Всемирного Банка“ и середь той пустары, о котрой банкъ на душу всѣхъ своихъ 360 директоровъ, поддиректоровъ, наддиректоровъ, вмѣсто директоровъ, урядниковъ и подурядниковъ твердивъ; что въ найкоротший часъ здѣлаеся земнымъ раѣмъ зъ широкими бульварами, парками, церквами, монументами, до сихъ и не видными на Подкарпатю, купивъ фундушъ, не дорого и не дешево. Купивъ и помочью дипломованного фахового будовельного подприемчика Хапайла-Недохапавъ давъ выбудовати домъ, чеги бы заказали — баракъ. Потомъ чекавъ, коли настане земный рай. На жаль — земный рай ниякъ не хотѣвъ зъ'явитися, именно то была хиба, что оно мало здѣлается, лишь не было сказано: кимъ властиво, а самымъ собою изза несовершенства природы не здѣлалося до нынѣшнѣго дня?

Такъ изъ земного рая остались мухи, величиною въ персть и зъ такимъ голосомъ, что могу ихъ рекомендовати хоть въ який орхестръ вмѣсто бомбар-

дона, тоже комарѣ; котрыхъ наоборотъ не можѣ видѣти, але вато щипають немилосердно. О жабахъ и розныхъ гадахъ не говорю, вѣдь рай безъ нихъ бывѣ бы плохо заряженный.

Дальший вопросъ: „Изъ чого есть будованый вашъ домъ: изъ камѣня, изъ вальковъ, изъ цеглы?“ Тутъ могъ бы совѣсливый чоловѣкъ сейчасъ головою о стѣну, кобы не боявся, что стѣна проломить-ся и повалиться на тотъ фундаментъ, о котромъ звѣдаеся, ци оно изъ камѣня, ци изъ бетону? Именно кто може рѣшити тотъ вопросъ, ци може такой чудесный выробѣ керамичного искусства называтися цеглою, котрый окремъ червеной фарбы ниякихъ властностей цеглы не мае, бо по першой зимѣ сѣ такъ званнѣ цеглы почали розпадовати на якийсь порошокъ и розпадаютъ донинѣ? Вальки не суть, цеглы не суть, чимъ же они суть? Одинъ Богъ милостивый знае! А ци може называтися бетономъ такой чудесный вытворѣ, когрый въ 95%-ахъ складаеся изъ рѣни, а цементу въ немъ лише на показъ находится, бо панъ Хапайло-Недохапавъ дипломованый etc. на 20 тачокъ рѣни давъ одну скупу тачку цементъ и зато можно цѣлый фундаментъ перстомъ розобрати?

Такъ и записавъ; „По, торжественною божбою подпертому; мнѣнню Хапайла-Недохапавъ, дипломованного etc., изъ цеглы и бетону.“

Дальший вопросъ: „Чимъ есть крытый вашъ домъ?“ Гмъ . . . ци можно назвати кровомъ такой дахъ, котрый тече на десяти мѣстахъ; а къ тому якъ искусно тече, что дѣры найти не дай Боже?

Зато записавъ: „Де не крыто, тамъ крыто естернитомъ“.

Слѣдующий вопросъ: „Что есть ваше занятя?“ Занятя было колись у мене тай геть доста, але нынѣ ниякого занятя не маю, бо уже я въ пенсіи. Пенсія не велика и не мала, если чоловікъ ничего не купуе, изза здоровельныхъ причинъ довольствуется супомъ изъ картофель и тому подобными брехнями, зовсѣмъ красно може изъ ней выжити, даже чось и останеся на пачку. Словомъ — я въ пенсіи. Але ци есть то занятя? Ани дорадники моѣ не могли ми сказати, что есть мое занятя, коли я уже ничимъ не занимаюся. Такъ записавъ:

„Занятя у мене то, что ничимъ не занимаюся“. Сякихъ и подобныхъ задирастыхъ вопросовъ было тамъ и больше, але думаю и сихъ доста.

Только послѣдний вопросъ причинивъ мнѣ боль головы, именно звѣдалося, ци я слутый, безрукий... идиотъ, дурный. . .

Что на се отвѣчати? Слутый, калѣка, безрукий, безногий не есмъ. Але идиотъ . . . ? Тутъ треба добре подумати! И почавъ я зводити счеты моего живота и указалося, что — *summa summarum* — дивлячись

на мой животъ спереди, иззаду, зъ обохъ боковъ, зверху и здолу, извнѣ и внутри, можно его характеризовати только однимъ словомъ: „Идіотство“.

Такъ и записавъ при одобрительномъ покиваню головами моихъ милыхъ дорадниковъ :

„Идіотъ Идіотовичъ“.

СОДЕРЖАНЬЕ:

	Стр.
Сивуля	3
Янко	7
Удодъ (Байка.)	13
Выбабравъ...	15
Слимакъ (Байка.)	23
Дѣти	25
Марька	30
Гіена (Байка.)	36
Купованье мелаю 1919-омъ г. (Изъ вспоминокъ).	37
Муха (Байка.)	42
Покаженна радость	43
Дрозды (Байка.)	48
Свѣдки	49
Мотыль и цвѣты (Байка.)	53
Народочисленя (Гуморескъ.)	55